

Витольд Гомбрович считал себя «авангардистом, новатором и в общем-то чудаком»

очаровательный странник

выставка «Я — Гомбрович!»
в Государственном музее А.С. Пушкина

КИРИЛЛ РЕШЕТНИКОВ

Осенью 2004 года в варшавском Музее литературы им. Адама Мицкевича была показана выставка «Мастер Булгаков» из собрания Государственного литературного музея и Государственного музея А.С. Пушкина. Выставка «Я — Гомбрович!», открывшаяся на днях во втором из вышеназванных московских музеев и представляющая собой ответный гостевой проект варшавян, больше говорит, чем показывает, но оттого не становится менее интересной.

Витольд Гомбрович — писатель парадоксальной судьбы и безграничного, тихого, умного обаяния. Проведя значительную часть жизни не в родной Польше, а в Аргентине и во многом оставшись чужим как польским, так и аргентинским литературным кругам, писатель стал легендой в обеих странах. Пробыв долгие годы в положении литературного маргинала, он еще при жизни успел стать классиком. Не принадлежа к записным мастерам литературного эпатажа и скорее будучи склонным к мистификациям (скажем, в романе «Порнография» нет ни одной порнографической сцены), он тем не менее умел нарушать самые неприкосновенные литературные правила и вызывать негодование читателя. Бунтарство Гомбровича проявлялось не столько в выборе тем и стиле письма, сколько в способе мышления. Будучи еретиком мысли (по крайней мере с точки зрения своего времени), он сумел отчетливо проявить данное качество в своих книгах и уже одним этим обеспечил себе особое место в литературе.

Польская выставка «Я — Гомбрович!» в Государственном музее А.С. Пушкина выглядит неожиданно содержательно и внятно. Неожиданно хотя бы потому, что правильно расставить акценты в маленькой «экспортной» экспозиции, посвященной не очень знаменитому в России писателю, не так-то просто. Открытие выставки, последовавшее за чинной академичной церемонией в центральном зале музея, прошло едва ли не в клубной атмосфере, оказавшись чем-то вроде спонтанной камерной тусовки московских поляков. В небольшом помещении перед входом в первый из залов, приютивших вызванный музейщиками дух Гомбровича, энергичная Иоланта Польш, автор и куратор проекта, обратила к немногочисленным слушателям короткую речь на польском, перед которой прозвучало решительно сказанное кем-то «Не надо перевода!», хотя среди собравшихся были и русские. Благо авторское напутствие на родственном языке было понятно и так.

В первом же зале обнаружилось две главные особенности

выставки: предельная лаконичность, а также центральная роль текста, нанесенного на развешенные повсюду белые и черные таблички. Благодаря небольшому количеству экспонатов «удельный вес» каждого предмета при осмотре повышается вдвое. Внимание привлекает не только эффектно стоящая в углу пишущая машинка Гомбровича, но и, скажем, свидетельство о его рождении и диплом об окончании юридического факультета, лежащие на полках застекленных этажерок среди семейных фото, — предметы, подобные которым обычно бегло проглядываешь или вообще не замечаешь, если рядом находится сотня других объектов.

Выдержки из романов Гомбровича («Фердыдурке», «Транс-Атлантика», «Космос») и довольно подробные экскурсии в его биографию, представленные в хронологическом порядке в трех залах, выполняют функцию основных экспонатов, а визуальный ряд выступает в роли обрамления. Впрочем, его тоже никак нельзя проигнорировать: ведь в него входят не только фотопортреты Гомбровича или экстравагантная афиша спектакля по «Фердыдурке», но и занимающая целую стену фотография аргентинского пастбища, рядом с которой можно найти следующее признание писателя: «Я авангардист, новатор и, в общем-то, чудаков. К тому же на меня обрушились война и революция, изгнание и 20 миллионов аргентинских коров».